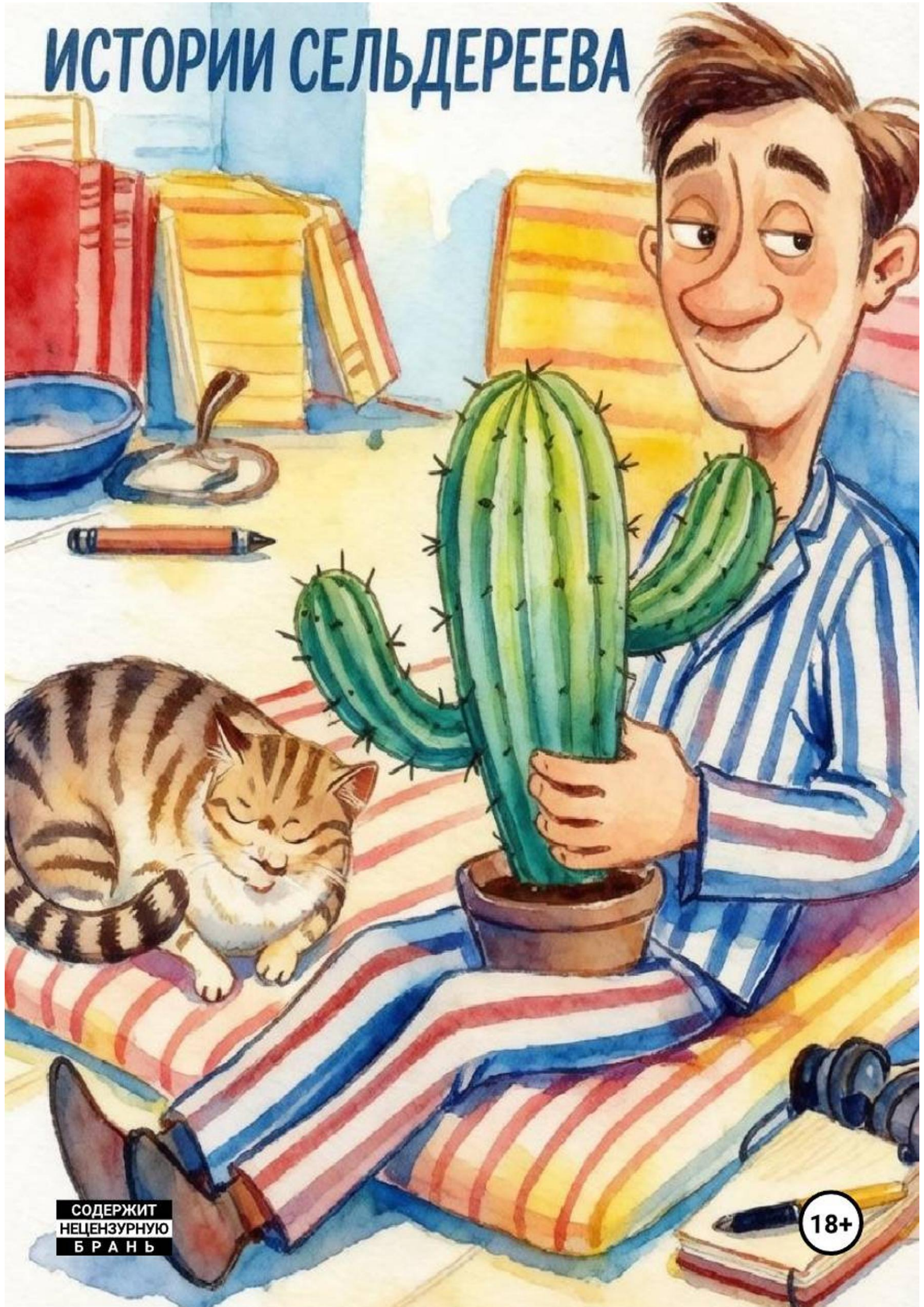

ИСТОРИИ СЕЛЬДЕРЕЕВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дмитрий Кубраков

**Истории Сельдереева
– инструкция по
эксплуатации жизни**

«Автор»

2026

Кубраков Д.

Истории Сельдереева – инструкция по эксплуатации жизни /
Д. Кубраков — «Автор», 2026

Лирический герой рассказов Иван Сельдереев не является героем нашего времени — он не совершал подвигов и не делал открытий мирового значения. Он не имеет в теле дырок от вражеских пуль и не выполнял план пятилетки за один ударный год. Сельдереев не живет шаблонами общественных догм, он отличает дерево от пня по плодам, цветы от навозной кучи — по аромату, а верное от неверного — по позывам души. В этой серии рассказов собраны ироничные и философские истории, случившиеся с Иваном в жизни и подсмотренные случайным прохожим. Приготовьтесь: Сельдереев будет задавать неудобные вопросы, попадать в нелепые ситуации и слой за слоем снимать позолоту с общественных условностей. Смешно, местами колко, но всегда о самом важном.

© Кубраков Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вступление	5
О великом искушении запрета	6
О сущности любви к прекрасному	8
О мухе – не лети куда попало	9
О Христе, конфетах и любви	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Истории Сельдереева – инструкция по эксплуатации жизни

Вступление

Иван Сельдереев есть фигура, вымышленная фантазиями автора, но через его образ передается видение мира частью нашего общества. Той частью, которая сохранила в себе критическое мышление и пока не покрыта плесенью шаблонов, инструкций и постановлений.

Глава 1

О великом искушении запрета

Иван Сельдереев был человеком томным и страдающим: томился он из-за страсти к великим истинам, а страдал из-за сложности их достижения и слабой практической ценности результата. Это наложило отпечаток на чело Ивана, вознаградив его ликом потерянного мамой идиота, и провело границу между ним и обществом, не желающим тратить калории на умственную активность.

Однажды недалеко от места обитания Сельдереева неизвестные личности в шершавых пальто поверх суконных мундиров повесили на стену одного из заплесневевших домов странную, но выразительную коробку. Странной была её выразительность, так как на шинельном алюминиевом корпусе манящим бельмом сверкала красная кнопка с убедительной надписью под ней:

«Не нажимать никогда! Убьет вас и уничтожит мир!»

Возвращаясь с очередной прогулки в поисках истины, Иван заметил коробку и похвалил её создателей, вынесших предполагаемое в сферу фактического. Особенно порадовала Сельдереева надпись, ибо она не нуждалась в сложном толковании, что экономило энергию на поиск взвешенного решения нерешаемой задачи. Иван сделал пометку в закромах своей головы и пришел домой в том тихом состоянии духа, когда аромат сосисок в холодильнике доминирует над манящей материей черных дыр в галактике МоМ-z14.

Ужин прошел без аплодисментов, плавно подтолкнув вечер к ночи, когда надежды на фантазии сна заставляют оторваться от реальности бытия. Однако перемещение в кровать не принесло Ивану желанного наслаждения: в его голове периодически всплывала коробка на стене дома, близкого к точке его существования.

— «Вот же молодцы», — думал сперва Иван, надеясь с помощью лести неизвестным «серым» найти милосердие у Морфея, который доньше царствовал в мире иллюзий. Бог царства сна и люди в пальто знакомы лично не были, но у последних было на первого пухлое досье, а Морфей плевал на него с высоты своего божественного пофигизма.

— «Повесили запретное открыто, заранее предупредив о смертельной опасности соблазна», — думала голова Ивана, непринужденно балансируя на шее. Точно так избирательная компания в городе X вывешивает афиши очередных выборов, заранее предупреждая о финале и предостерегая от попыток сомнения в результате.

Часы томно приблизились к трем ночи, а Иван не спал; более того, спать в такой момент ему уже казалось святотатством. Запретная кнопка колыхалась в прицеле желаний, как бутылка пива в ларьке в ста метрах от Завода общественных изделий. Сельдереев встал, сотворил и съел яичницу, имея при этом лицо человека, улетающего в дальний космос в одних кальсонах, и созрел. Он созрел для очередного покорения истины и покрался к настенной коробке с предостерегающей надписью и запретной кнопкой.

Луна тревожила серебряными иголками страдающих от любви котом; люди прятались в окнах, где размножались и спали, чтобы не видеть ночных несправедливостей, а в местном РОВД сидел майор и смотрел на муху, не имея фантазии на неё не смотреть. Сельдереев крался к кнопке, как разведчик к вражескому штабу, отличаясь от последнего масштабом действия и простотой решения. Вот и она, с её коварной надписью, интригующей, как проститутка студента:

«Не нажимать никогда! Убьет вас и уничтожит мир!»

И тут Иван нажал — он вложил в нажатие все детские обиды и отроческие разочарования, все невзгоды взрослого бытия и неприятие цен в местном магазине — все это вылилось

у него в одно движение, имеющее бесконечный поступательный вектор. Кнопка вдавилась, а неведомая пружина в её чреве крякнула от теплоты пальца, но не привела ни к чему более. Так не приводит ни к чему более подростковый секс в состоянии алкогольного опьянения, когда винный пар терроризирует гормоны.

Кнопка с легким треском вдавилась и бесшумно выдавилась, оставив мир существовать дальше, как будто у него была на то особая индульгенция. Ничего в мире не изменилось: майор так же безнадежно смотрел на муху, исполняя этим свой служебный долг, а люди мирно размножились и предавались сну с целью накопить силы и совершить очередной потуг в ненужном месте.

Хотя нет, кое-что в мире изменилось — Иван Сельдереев обрел очередную истину, которая в момент извержения из мозга именовалась так: «Не верь чужому слову, написанному в известном месте, а верь действию, тобой совершаемому, ибо оно приводит к радости удовлетворения». Позже Иван сократил размер истины до более практичной «Не верь, когда не надо», а затем и вовсе переиначил в «Не верь кому не надо», на том и успокоился.

Глава 2

О сущности любви к прекрасному

В эту декабрьскую ночь, впервые с начала отопительного сезона, за окном Ивана Сельдереева появились белые мухи, именуемые людьми-формалистами снегом. Они падали, раскинув белые перистые крылья, словно танцуя друг с другом вальс и радуя одинокого зрителя на полосатом матрасе бесплатным представлением. Милые снежинки искупали своим танцем несовершенство жизни, сравнивая любого в снежном партнере с королем и низвергая любого короля до должности пастуха равноправием зрелища.

«Почему же, — думал Сельдереев, — на далеком севере, где снега насыпало по самое причинное место, люди с негодованием разгребали его упругими бедрами, пробиваясь через плотные, как вымя оленя, сугробы к ближайшей точке питания или к прочей нужде? Отчего не имели они на лицах радости от этого вальса? Ведь Бог сверху награждал их бесконечностью красоты, делая это даром, что всегда отличало сильных от смертных».

Иван временами закрывал глаза и перемещал себя в детство, где мелó в декабре по-взрослому, но это никого не смущало, пусть и не всех очаровывало. Ваня помнил свой разгон с площадки первого этажа в дверь на улицу, которая со стороны Бога была плотно присыпана снегом. Он под давлением своего скромного детского тела распахивал дверь и вырывался на снежную волю из плесени подъезда, как бы говоря Всевышнему: «Вот он Я, всем Богам равный!»

Маленький Сельдереев не питал тогда ни капли злости или недовольства из-за чрезмерности снежной сущности, погружаясь в неё с визгом счастливого детства, отрицающего любое недовольство, как новобрачные отрицают вероятность отсутствия либидо. Отсюда родилась мысль, закрывающая собой эту страницу сельдереевских истин: «Любящему не может быть много любви, ибо он не считает её чем-то внешним, а полностью принимает в себя и растворяется в ней».

Почему же на севере не так любят снег? Потому что там слишком холодно, чтобы так любить жизнь, как любит её на полосатом матрасе Сельдереев... «Нет», — сказал изнутри себя Сельдереев, сломав первую истину о слегка волосатое колено второй. — «Если ты что-то любишь, то его не бывает много». Сократил.

О мухе – не лети куда попало

Не имея никакой склонности к насилию, однажды Иван Сельдереев убил муху, которая без спроса залетала в его логово. Он не имел к ней каких-то изощренных претензий — просто муха появилась в тот момент его существования, когда ей не было в нём места и времени.

Дело было так: Иван витал в высоких материях, перемещаясь на полосатом матрасе жизни между дальними галактиками и ближним кругом придворных призраков, когда муха набралась наглости и села на нос мыслителя. Это закончилось её смертью, что даже удивило Сельдереева и немного расстроило. Он знал о скоростных возможностях насекомых и, нанося разящий удар, был уверен, что муха раскается в поступке и вовремя ретируется прочь.

— Судьба, — подумал он.

— Дурак, — ответила судьба и покачала ненужную занавеску на нужном окне.

После этого Иван моментально вернулся из самой дальней галактики, прижавшись в целях спасения от дальнейшего диалога своей гравитационной пружиной к кровати. Так влюбленная девица прижимается бурлящей грудью к фотографии любимого, сливаясь с ним флюидами фантазии. Разница была только в частях тела, но Иван искренне верил, что его ж@па ничем не хуже девичьей груди, а в ряде случаев даже лучше.

Истина после этого смертоубийства рождалась туго, как заводится ВАЗ в Заполярье, особенно если время утреннее и пора работать. Изначально мысль выглядела скромно, как тамбовский железнодорожник: «Судьба». Но чуть позже обрела более выпуклые формы и замерла в очертаниях: «Не лети куда попало — и не попадешь туда, куда не надо».

Муха того не ведала, ибо летала по инерции жизни, заложенной в неё сверху, но не разжеванной в виде инструкций и декретов, как это происходит с людьми. Впрочем, жертва, принесенная мухой, не была напрасной: ведь Иван с помощью её смерти был извлечен из космических глубин, отметив это событие колбасным обрезком из недр холодильника. После принятия обрезка внутрь себя и полного раскаяния он созрел для более важного занятия, чем процесс пищеварения со всеми его прелестями начала и страданиями финала.

Глава 4

О Христе, конфетах и любви

Однажды Иван спал необычным сном — словно бы и не спал, а бодрствовал, но в каком-то ином измерении, где сантиметры не считают линейкой, а жажду — литрами. В этом необычном видении Сельдереев встретился с инопланетными существами, с которыми говорил на разные бытовые темы. Он доказывал им веские земные истины вроде вреда арбузной корки на асфальте и подлости сквозняков после бани. Однако эти разговоры были стерты мерзостью пробуждения, оставив после себя лишь скелеты общих очертаний.

Одно помнил Иван хорошо: в мире этих существ часто гостил Христос. Он бывал у них по несколько раз в год, очень дружил с инопланетянами, подолгу с ними болтал и нехотя расставался. Существа в закромах сна поведали, что Христос очень любит конфеты — они с их помощью и познакомились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.